

А. П. КАЖДАН, М. А. ЗАБОРОВ

ГИЙОМ ТИРСКИЙ О СОСТАВЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО
КЛАССА В ВИЗАНТИИ (конец XI—XII в.)

Изучение состава господствующего класса в Византийской империи — одна из тех задач, которые, по сути дела, не поставлены исследователями, хотя, разумеется, и в общих трудах, и в специальных монографиях по этому вопросу не раз высказывались те или иные суждения. Отсутствие тех типов источников, которые позволяют медиэвистам-западникам поднимать эту проблему (списки фьефов, детальные картулярии и т. п.), несомненно, препятствует возникновению византиноведческих работ на эту тему и заставляет искать какие-то другие пути анализа. Можно надеяться, что просопографические исследования, с одной стороны, и изучение греческой социальной терминологии — с другой, смогут со временем создать базу для решения этой задачи, сейчас же нам хотелось бы указать на иной материал, который проливает на нее известный свет, — на сообщения современников-иностранцев.

Сохранилось довольно много высказываний иностранных писателей о социальных группировках в Византии XI—XII вв.; впрочем, достоверность этих высказываний весьма проблематична. Дело не только в том, что мы можем всякий раз усомниться в осведомленности латинского, русского или восточного информатора о положении в империи, — гораздо большую опасность представляет естественная для средневекового автора тенденция изображать чужие порядки в привычных ему, «своих» категориях.

Когда русский писатель делит население Константинополя в 1204 г. на бояр и на «всех людей» (ПСРЛ, III, стр. 27), то он мыслит категориями киевского общества, и совершенно напрасно Н. А. Мещерский усматривает в этой стратификации отражение византийской действительности, считая бояр «придворно-военной аристократией, императорской гвардией»¹ (придворная знать, военная аристократия и императорская гвардия в византийской действительности составляли разные общественные группировки). Точно так же в представлении ибн-Биби константинопольская верхушка распадается на привычные для сельджукского писателя разряды — купцов и воинов². О «городской знати» Константинополя пишет Аристахэс Ластивертци — видимо, по образцу знакомого ему анийского патрициата³. Разумеется, те рыцари, одетые в горностаевый и куний мех, те «бароны», которыми населяет Константинополь старо-

¹ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956, стр. 177 и сл.

² Н. W. Duda. Die Seltchukengeschichte des Ibn-Bibi. Kopenhagen, 1959, S. 30.

³ Вардапет Аристахэс Ластивертци. Повествование. М., 1968, стр. 74, 77, 109; ср. там же, стр. 85 и комментарий К. Н. Юзбашяна (стр. 157).

французский эпос ⁴, перемещены туда из западноевропейской реальности. И даже осторожный автор хроники псевдо-Бенедикта Питерборокского обнаруживает на византийском Кипре графов, баронов и их *homines* ⁵ — типичные категории английского дворянства.

В других случаях термины, прилагаемые к византийской знати (*nobiles, proceres, principes, maiores* и пр.), настолько неопределенны, расплывчаты, что невозможно говорить об их конкретном значении. Так, Арнольд Любекский, описывая прием Мануилом I саксонского герцога Генриха Льва, сообщает, что император восседал со своими понтификами, *principes* и оптиматами (MGH, SS, XXI, p. 119). И все-таки есть несколько свидетельств, в какой-то мере передающих восприятие соседями специфики византийского общественного порядка.

В этой связи можно назвать такого осведомленного историка второго крестового похода, как Одо Дейльский ⁶, который усматривал в богатстве характерную черту византийской элиты. Людовика VII, по рассказу Одо, встречали в Константинополе знатные и богатые ⁷, а вслед за тем он сообщает, что в византийской столице царит беззаконие и что там столько господ, сколько богачей ⁸. Некоторые писатели подчеркивают наличие в составе господствующего класса Византийской империи служилой знати: по Ордерику Виталию, Алексей I заседал с «мудрыми» (английские уитаны?) и сенаторами (PL, t. 188, col. 519 C); Роберт Монах видит в окружении Алексея I императорских *principes* и магистратов (RHCoc., III, p. 816).

Любопытная новелла, передаваемая английским писателем XIII в. Уолтером Мапом, рисует византийское общество особенно подвижным. Мап повествует об одном константинопольском сапожнике, который влюбился в прекрасную заказчицу, но не мог добиться взаимности. Тогда, распродав имущество, он стал воином, «сменив свое низкое состояние на статус знатного человека». И все-таки отец красавицы воспротивился его притязаниям, что заставило бывшего бабмачника вступить в пиратскую шайку ⁹. Впрочем, хотя пираты — характерное явление византийского мира конца XII в., мы не можем быть уверенными, что социальный порядок, обрисованный Мапом, в самом деле византийский, а не английский.

Среди наблюдателей, пишущих о византийском обществе, особое место принадлежит Гийому Тирскому (ок. 1130—1186) — видному церковно-политическому деятелю и историку франкского Востока, хорошо знакомому с государственным бытом Империи. Гийом Тирский дважды бывал в Константинополе. В 1168 г., тогда еще архидьякон, он вел по поручению короля Амори I Иерусалимского переговоры с императором Мануилом I о союзе против сельджукского Египта. В 1179—1180 гг., будучи уже в сане архиепископа и возвращаясь на родину из Рима, где он фактически возглавлял делегацию иерархов Иерусалимского королевства на Третьем Латеранском соборе, Гийом Тирский снова приехал в Константинополь — на этот раз по просьбе папы Александра III. Занимаясь здесь делами апостольского престола, Гийом прожил в византийской столице почти семь месяцев. Он снискал полное расположение Мануила I, который согласился расстаться с ним лишь потому, что рассчи-

⁴ Karls des Großen Reise. Leipzig, 1895, S. 17. 267—271, 19.309, 91.336.

⁵ *Benedictus Peterburgensis. Gesta Henrici II et Ricardi I.* — «*Regum Britannicarum medii aevi scriptores*», N 38, vol. II, 1864, p. 164, 168. О некоем кипрском «бароне», обладателе замка и города, см.: *K. Brunner. Der mittelenglische Versroman über Richard Löwenherz.* Wien, Leipzig, 1913, S. 210. 2409—2410.

⁶ О нем см.: *М. А. Заборов. Современники — историки и хронисты крестовых походов.* — ВВ, XXVI, 1965, стр. 141.

⁷ *Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem.* N.-Y., 1948, p. 58.

⁸ *Ibid.*, p. 64.

⁹ *Walter Map. De nugis curialium.* Oxford, 1914, p. 183 sq.

тывал на его дальнейшие дипломатические услуги, необходимые для урегулирования отношений с Антиохией¹⁰.

Таким образом, в силу самого характера каждой из своих дипломатических миссий Гийом Тирский подолгу находился в прямых контактах с императорским двором, а следовательно, имел возможность близко узнать его порядки и непосредственно познакомиться с высшей столичной знатью, ее жизнью, традициями, нравами.

Уроженец Палестины, в молодости проведший несколько лет в Италии, Гийом Тирский умел наблюдать и сравнивать. К тому же он владел помимо латинского греческим, а также арабским и, в меньшей мере, еврейским языками¹¹, что не могло не содействовать развитию этих способностей.

Основательно ознакомившись с константинопольским двором, Гийом Тирский сумел увидеть многое, что отличало византийскую правящую элиту от франкской, а тем самым и от западноевропейской феодальной знати. Он усвоил даже (по крайней мере частично) своеобразную терминологию византийской «табели о рангах».

Когда в своей «Истории деяний в заморских землях»¹² Гийом говорит о западной аристократии, он подчеркивает, что знатных (*nobiles*) отличали их территории, образ жизни, родовитость и военные успехи (р. 416); он обращает внимание на их происхождение от знатных и благочестивых родителей (р. 370), на их благородство (р. 416) и могущество (р. 488, 787); сравнительно редко упоминается в его «Истории» челядь, *familiares*, западных государей (р. 453, 738, 788).

В характеристике византийской верхушки акценты расставлены иначе. Император Алексей I выступает в изображении Гийома в окружении челядинцев, слуг или своих людей. Это — *familiares* (р. 127), *familiares* и *domestici* (р. 87), *imperatoris satellites* (р. 93), *imperatoris familia* (р. 128). Кроме того, вместе с Алексеем появляются его придворные, служившая знать: *palatii principes* (р. 57), *consistorium principum suorum* (р. 253), *illustres et inclyti, qui ei assistebant* (р. 100). Термин *nobilis* здесь не всплывает, за единственным, пожалуй, исключением: рассказывая о посольстве Алексея к Боэмунду Тарентскому, отряд которого находился на пути к Константинополю, Гийом Тирский пишет: *missis quibusdam nobilibus ex suis domesticis ad eundem virum egregium* (р. 91).

В царствование Иоанна II мы встречаем те же категории знати: *familiares* (р. 658), *familia* (р. 662), *illustres et inclyti imperialis palatii* (р. 652). Наряду с челядинцами и придворными перед нами предстают (по крайней мере один раз) и просто знатные — *virī magnae nobilitatis*, которых Иоанн послал к Фульку Иерусалимскому (р. 691). Кроме того, Гийом отмечает роль царской родни при дворе Иоанна: в Антиохию император прибывает с сыновьями и *familiares* (р. 658), а покидает этот город с сыновьями, родичами (*consanguinei*) и *familiares* (р. 663). Перед смертью Иоанн созывает *consanguinei* и близких (*affines*), «толпа которых следовала за ним постоянно», а также *primores sacri palatii* и командиров войска (р. 694).

В главах о Мануиле I автор применяет неопределенные термины: *principes* (р. 784, 828, 858, 862, 987), *illustres* (р. 861, 983); впрочем, иногда эти *principes* раскрываются как *imperatoris homines* (р. 785) или *imperatoris familia* (р. 828). В других случаях используются уже знако-

¹⁰ Подробнее об этих дипломатических вояжах Гийома Тирского в Византию см.: А. С. Крей. William of Tyre. The Making of an Historian in the Middle Ages. — «Speculum», vol. XVI, № 2, April, 1941, p. 152—153, 157.

¹¹ Ibid., p. 150.

¹² Willermi Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux (RHСoc), t. I. Paris, 1844 (далее везде цитируется по этому изданию).

мые нам термины: челядинцы — *familiares* (р. 860, 945, 983) или «служилые»; блистательные мужи, славные в священном дворце (р. 873); *principes* священного дворца (р. 983); действующие вместе с *domestici*, челядью, *sacri palatii procuratores* (р. 984). О братьях — протосевасте Иоанне (Комнине) и протостраторе Алексее ¹³ Гийом говорит: «Среди *illustres sacri palatii* они занимали первое место» (р. 861; ср. р. 982).

Гийом употребляет и термин *archontes* (р. 971) — греческое слово, означавшее вельможу, чиновника, придворного, царского слугу, но отнюдь не феодального сеньора ¹⁴.

Говорит Гийом и о царских родичах; он называет *principes* и *consanguinei* (р. 864); пишет о том, что Мануил I примирился с братом при посредстве *consanguinei* и *principes sacri palatii* (р. 696); упомянув *vir illustris* (Иоанна) Кондостефана, участника посольства в Иерусалим около 1160 г., Гийом подчеркивает, что это — царский родич (р. 873); Марию, дочь протосеваста Иоанна, выданную в 1167 г. за Амори I Иерусалимского, сопровождают, по словам историка, *viri illustres et magnifici*, императорские *familiares* и в их числе севаст Мануил, *consanguineus* государя (р. 942—943). В битве при Мириокефале (1176 г.) пало много знати, в том числе родичи императора ¹⁵.

Термин *nobilis* и в этой части «Истории» прилагается к византийской знати крайне редко. Перечисляя послов Мануила I к Балдуину IV Иерусалимскому в 1177 г., Гийом называет их *viri incltyi et eminentes*; среди них — Андроник Ангел, племянник государя, *vir magnificus* Иоанн (Дука), наделенный титулом *megaltriarcha* (великий этериарх), Георгий Синаит, *imperialis aulae familiaris*; и только Александр, граф Конверсано, назван *vir nobilis* (р. 1030—1031), но он-то как раз итальянец, выходец из Апулии ¹⁶. Кроме того, Гийом сообщает, что при дворе Мануила было много его родственниц, знатных девиц — *nobiles virgines* (р. 846). Наконец в повествовании о малолетстве Алексея II Гийом упоминает царских

¹³ Здесь речь несомненно идет о родном брате Иоанна (о нем см.: *K. Heilig. Ostrom und das Deutsche Reich um die Mitte des XII. Jhs. — «Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter Friedrich I». Stuttgart, 1952, S. 266*), который был протостратором уже во время собора 18 февраля 1170 г. (*L. Petit. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires. — ВВ, IX, 1904, р. 490. 23—24*). Р. Гийан полагал, что на соборе 1170 г. присутствовали два протостратора Алексея — Аксух и Комнин (*R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, t. I. Berlin—Amsterdam, 1967, р. 481*), но Аксух уже в 1167 г. был пострижен в монахи. От Алексея Комнина следует отличать упомянутого Гийомом протостратора Алексея, сына Феодоры Калузины, племянницы императора, замешанного в заговоре против Алексея II (р. 1070), в котором следует видеть побочного сына Мануила I от жены некоего Халuffy (*А. И. Панадопуло-Керамевс. Керкхραιка. — ВВ, XIII, 1906, стр. 347.7—9*); Калузина Гийома, видимо, соответствует греческой Халуфине. Неясно, в каком отношении оба Алексея стоят к протостратору Алексею, основателю церкви св. Николая, дяде императора Алексея Комнина (*Ф. Барушиш. Два грчка чатписа из Манастира и Струге. — ЗРВИ, 8/2, 1964, стр. 20 и сл. Ср. заметку V. Laurent. — ВЗ, 58, 1965, S. 277*). Если в надписи

вместо *СХЧ* читать *СХУ*, то ее надо будет датировать 1181/2 г., т. е. правлением Алексея II, но ни Алексей Комнин, ни сын Калузины не были дядями Алексея II.

¹⁴ См.: *А. П. Кажбан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — ВВ, 28, 1967, р. 16 sq.* Уже после этой статьи вышли в свет «трактаты» Симеона, где архонты понимаются как слуги и «друзья» царя, получающие от него дары и чины (*Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques, t. 2. Paris, 1967, р. 188. 460—466*), как лица, сопровождающие царя, а не пребывающие в собственных проатиях (*ibid., р. 166. 133—136*).

¹⁵ *РНСос., т. I, р. 1024*. О гибели родичей царя при Мириокефале пишут и другие латинские хронисты: Ромуальд Салернский (*MGH, SS, t. XIX, р. 442*), псевдо-Бенедикт (*Benedicti Gesta, t. I, р. 129*).

¹⁶ Александра Конверсано обычно идентифицируют с Александром Гравиной, дипломатом на службе Мануила I (см.: *F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicilie, vol. II. Paris, 1907, р. 126, 216*. С некоторой оговоркой признает это тождество и П. Ламма: *P. Lamma. Compagni e Stauffer, vol. I. Roma, 1955, р. 206*), но эта идентификация не кажется нам убедительной. Гийом как будто четко различает Александра de Gravina и Александра de Conversana.

родичей (р. 1080, 1081) и *principes palatii* (р. 1081), а вместе с тем пользуется и термином *nobilis*. Протосеваста Алексея, по его словам, не навидели *virī magnifici*, люди равной ему знатности (*aeque nobiles*) (р. 1081). Еще интереснее упоминание знатных заговорщиков, умышлявших против Алексея II: они названы *nobiles viri magni et illustres* (р. 1070), а также *magnates eximii* (р. 1070). Это, если мы не ошибаемся, единственный случай характеристики у Гийома византийской знати как магнатов.

Таким образом, Гийом Тирский, как можно судить по его терминологии, выделяет в составе господствующего класса Византии три основных разряда: царских родичей, придворных-администраторов («первенствующих в священном дворце») и челядинцев. О земельных собственниках он почти ничего не говорит, и термин *nobiles* прилагает к византийской знати с крайней осторожностью.

Известно, однако, что если для передачи событий, происходивших после 1144 г., Гийом Тирский черпал материалы в личных впечатлениях, в рассказах близких ему очевидцев, а также в архивных документах, то о Первом крестовом походе он писал, опираясь главным образом на латинские хроники конца XI — начала XII в., прежде всего Альберта Аахенского, затем Раймунда Ажилльского, Фульхерия Шартрского и др. Естественно, возникает вопрос, в какой мере представления историка о византийской знати самостоятельны: не заимствована ли терминология, характеризующая эту знать, из хроник, послуживших источником его сведений? Для выяснения этого вопроса необходимо сопоставить соответствующие места «Истории деяний» в первую очередь с данными «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского¹⁷, с которой историческое произведение архиепископа Тирского, точнее, первые 15 книг его «Истории деяний», обнаруживают некоторую близость. Каково бы ни было происхождение последней¹⁸, конфронтация обеих хроник могла бы помочь выяснению занимающего нас вопроса.

Сравнительный анализ убеждает в том, что Альберт Аахенский, упоминая византийскую знать, обозначает ее представителей, как правило, общими, довольно неопределенными терминами, применявшимися в латинской хронографии. Византийская специфика в его передаче полностью отсутствует. В отличие от этого, параллельные Альбертовой хронике места «Истории деяний» нередко содержат терминологически развернутую, обстоятельную характеристику данной социально-политической группировки.

Если Альберт Аахенский без каких-либо уточнений, в расплывчатой форме пишет, что император Алексей держал совет — *accepto consilio* (р. 309 A), то Гийом Тирский говорит куда более конкретно: совет *cum suis familiaribus et domesticis*. Тогда как у Альберта Аахенского идет речь о том, что тот же император держал совет «со своими первенствующими» (*cum primatibus suis habito consilio*) (р. 418)¹⁹, Гийом Тирский раскрывает содержание этого понятия, столь туманно выраженного его предшественником, более четко: *convocato principum suorum consistorio*.

¹⁷ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*. — RHCoc., t. IV, Paris, 1879. Далее цитируется по этому изданию.

¹⁸ В свое время Г. Зибель предполагал, что Гийом Тирский взял за основу своей «Истории деяний» и переработал в ее первых 15 книгах хронику Альберта Аахенского. Недавно П. Кнох выдвинул и тщательно аргументировал гипотезу, по которой оба хрониста использовали какой-то третий общий для них источник — утраченную лотарингскую хронику Первого крестового похода, написанную его участником. См.: *P. Knoch. Studien zu Albert von Aachen. Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik*. Stuttgart, 1966, S. 29—63. Рец. на книгу Кноха см. ниже, стр. 263—265.

¹⁹ Кстати, те же *primates* фигурируют в «Иерусалимской истории» и там, где говорится о крестоносном рыцарстве. Принимая у себя Готфрида Бульонского и удастывая его поцелуя мира, император *universos primates et collaterales illius eodem pacis osculo honorare non distulit* (RHCoc., t. IV, p. 310E).

Подчас там, где терминология Гийома Тирского обладает известной спецификой, Альберт Аахенский вообще хранит полное молчание: мы не находим в его хронике никаких параллелей к таким употребляемым Гийомом Тирским терминам, как *imperatoris satellites, imperatoris familia, palatii principes, illustres et inclyti*.

Нам удалось обнаружить лишь единственный случай терминологического совпадения у этих хронистов, относящегося к характеристике византийской знати: греческого военачальника Татихия, отряд которого был прикомандирован к крестоносному войску, и Альберт Аахенский, и Гийом Тирский называют *familiaris imperatoris* (RHCoc., t. IV, p. 327; RHCoc., t. I, p. 107). Тем не менее отмеченный случай совпадения скорее всего является как раз исключением, подтверждающим правило. Дело в том, что фигура Татихия вообще хорошо известна многим латинским хронистам, упоминающим о нем как о военном командире, близко стоявшем к императору, в самых различных выражениях. Его именуют и «прокуратором», и «сеншалом», и человеком из императорской *familia etc.*²⁰ Следовательно, данное терминологическое совпадение у Альберта Аахенского и Гийома ни в коей мере не колеблет сделанных выше наблюдений относительно специфики терминологии тирского архиепископа: по всей видимости, термины, в которых историк определяет состав и положение византийской знати, восходят к его личному опыту.

Наблюдение о специфичности терминологии Гийома находит себе и другое подтверждение: его дает сравнение текста «Истории деяний в заморских землях» с текстом ее французского перевода, выполненного, по гипотезе К. Каэна, в начале XIII в., — так называемой «Истории императора Ираклия и завоевания заморской земли»²¹. Подобно Альберту Аахенскому, поступавшему таким образом за сто лет до этого, французский переводчик Гийома Тирского иной раз вовсе обходит всякие детали, касающиеся статуса византийских аристократов, детали, которыми в сочинении самого Гийома нередко сопровождаются упоминания о представителях константинопольской элиты. Переводчик как бы «не замечает» тонкостей в выборе выражений у своего оригинала. Чаще же всего он характеризует эту знать в традиционных для западного мышления формулах, перенося на нее черты западноевропейских сеньоров, так что византийская знать лишается своеобразия, которым она наделена в терминологии Гийома Тирского.

Создается впечатление, что в сознании переводчика-француза укладываются только привычные ему западные понятия; всякий незнакомый ему термин он старается уподобить известному по западной феодально-аристократической номенклатуре, подогнать под западный стандарт, перевести в систему понятий, доступных его читателям.

Если у Гийома Тирского император Алексей I направляет во главе войск *quosdam de familiaribus suis de quorum fide praesumebat et industria*, то в переводе этими пользующимися доверием и умелыми челядинцами оказываются *barons plus privez et assez genz à armes* (RHCoc., t. I, p. 127). Если, по рассказу архиепископа Тирского, император Алексей созывает «консисторий», то, по словам переводчика, он *apela ses barons* (*ibid.*, p. 253).

²⁰ См., например: *Orderici Vitalis Historia Ecclesiastica* — PL, 188, col. 674A (*satellitum imperatoris princeps*); *Matthaei Paris. Historia Anglorum*. — «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*», t. I. London, 1866, p. 91 (*Tatinus imperatoris procurator Alexii*); *Gisleberti Chronicon Hannoniense*. — MGH, SS, t. XXI, p. 504 (*Tatinus senescalus suum*); *Raimundi de Aquilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. — RHCoc., t. III. Paris, 1866, p. 245 (*de familia imperatoris*) и др.

²¹ «*L'histoire d'Eracles empereurs et la conquête de La Terre d'Outremer*». Ее текст (в той части, которая соответствует хронике Гийома Тирского) опубликован параллельно последней в RHCoc., t. I, по которому ниже и цитируется. Подробнее о времени французского перевода «Истории деяний» см.: *C. Cahen. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris, 1940, p. 20 sq.

Императорские *familiares* в «Истории Ираклия» обращаются *plus privé conseiller* (ibid., p. 658) или *plus privez de son conseil* (ibid., p. 663); *illustres et inclyti* выступают как *barons del palez* (ibid., p. 100), *principes sacri palatii* — как *grant compagne des barons del palais* (ibid., p. 983). Родичи, близкие, высшие чины священного дворца, командиры войска, которых Иоанн II созвал перед кончиной, под пером переводчика Гийома Тирского превращаются в обезличенных *tout les barons de son lignage et les autres granz homes de son ost* (ibid., p. 694) и т. д.

В результате перевод оказывается насыщенным курьезами, вроде того, что при константинопольском дворе появляются «сеншалы» и «камерарии» (эти титулы переводчик присваивает протосевасту Иоанну и протостратору Алексею) (ibid., p. 861—862; ср. p. 943); высокие чины императорского двора — *viri spectabiles et in sacro palatio praeclari* — становятся *mestres... des jugemenz del palez, sages et privez de son seignor* (ibid., p. 873); великий этериарх Иоанн делается просто одним из *granz hom del palès* (ibid., p. 1030).

Порой специфически византийские категории, столь метко зафиксированные Гийомом Тирским, в переводе искажены до неузнаваемости: *archontes* оригинала подменены *les gens de Grece* (ibid., p. 971), *principes sacri palatii*, мирящие Мануила I с братом, — *li ami l'empereor* (ibid., p. 696); даже *imperialis aulae familiaris* заменяется *mout privez de leur seigneur* (p. 1030—1031)!

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Гийом Тирский по своему пониманию специфики византийской знати стоит особняком среди латинских авторов XII—XIII вв.

Любопытно, что Никита Хониат в описании триумфального шествия 1167 г. выделяет примерно те же три группировки в составе имперской элиты, что и Гийом Тирский: сперва, повествует он, за иконой богородицы двигались родственники василевса, затем члены герусии (*синклита*), управлявшие делами государства, и, наконец, люди, наделенные блестящими чинами и славные царской благосклонностью²². Рассказывая о заговоре 1195 г. против Исаака II, Хониат помимо простонародья и войска опять-таки называет три разряда заговорщиков: родственники царя, домашние слуги и «вознесенные до чина советника», т. е. члены *синклита* (*Nic. Chon.*, p. 593. 19—594.5).

Совпадение стратификации Хониата и Гийома заставляет с особым вниманием отнестись к свидетельствам тирского архиепископа о составе господствующего класса Византийской империи.

---

²² *Nic. Chon.*, p. 206.2—5. Перевод этого места у Ф. Граблера («Die Krone der Komnenen», übersetzt von F. Grabler. Graz, Wien, Köln, 1958, S. 202) ошибочен. См. ниже, стр. 253.